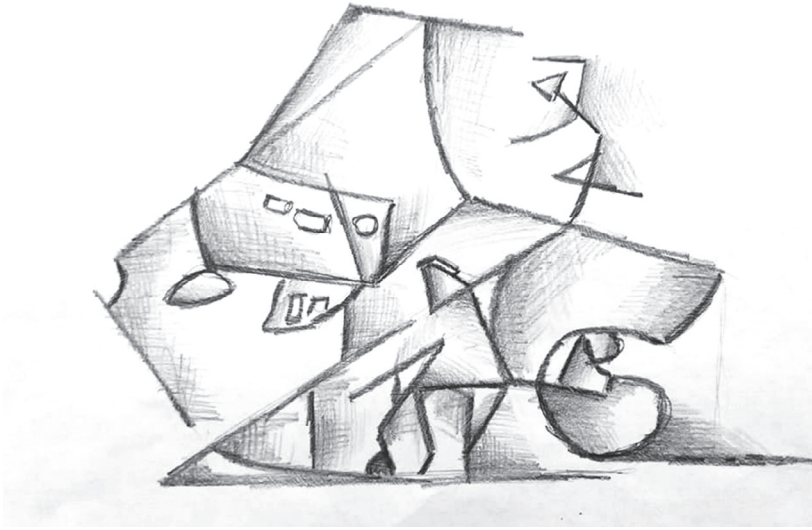
ФОМА

/Мини-повесть вместо спама/

«Я разрушу [этот] дом,
и нет никого, кто сможет построить его»
Евангелие от Фомы

05

На правах рукописи © Булин Геннадий, 2024.

В тексте могут быть использованы фрагменты других текстов, со стилистическими особенностями и даже нелепостями. Редколлегия на эти нелепости указала. Но мне показалось странным не сохранить их. Тем более (если совсем искренне), ни составитель, ни редколлегия, в общем-то, не имеют отношения к данной повести.

(примечание составителя)

ОГРОМНОЕ СПАСИБО МАМЕ ЗА ПОДДЕРЖКУ!!!!

ФОМА/Мини-повесть вместо спама/
2024 – 24 с.

Технический редактор и составитель – Геннадий Булин.
Корректура – Гера Констан.
Иллюстрации и вёрстка – Мельник Игорь.

Типография «Гамма», СПБ., ул. Трефолева д. 1П

ФОМА

/Мини-повесть вместо спама/

Северный ветер, упав с картины, перебирает волосы лежащего кентавра. Кентавр смотрит на рифлёную поверхность. На самом деле, ему только кажется, что она рифлёная, она такая же как всегда – плоская, со слезами богов, которых изредка можно увидеть между вспышками холерических фонарей. Имена богов кентавр раньше помнил наизусть. Он сам сложил буквы в сонной атмосфере библиотеки. Библиотеки, что была для него частью образного ряда. Частью его идиом и метафор. Со временем всё притупилось. Рассыпались образность и стройность строчек. Наступила жизнь во времена бессвязности. Но мы ведь не живём, а только смотрим на экран, где кентавр прикрыл левый глаз. Мы не видим другой части его лица. Можно предположить, что правый глаз – тоже прикрыт. Так ему лучше слышно, что шепчет голос. Мы не понимаем слов. Никогда не сможем их повторить. Даже мерцание мельчайших частиц нам не знакомо. Наверное, кентавр их тоже не знает. Наверно, их не знает даже тот, кто произносит. Для кого же тогда эти слова? Данный вопрос некорректен. Но есть и другие вопросы. Например, нравится ли ему тут? А нам? Мы не думаем об этом, потому что знаем, если кентавр закрыл глаза – проходит столетие. Только неизвестно, закрыл ли он второй глаз.

– Помнишь, мы выходили на это поле?

– Серьёзного подтверждения данного решения не существует.

– Около трибун цвёл розовый клевер, а в центре поля – почему-то белый.

– Если сложить все известные нам величины и вычесть число, получившееся в прошлый раз, выйдет ноль.

– Слева от трибун, за аллеей... вон за той, где гнёзда... виднелась кирпичная стена административных помещений. Им крышей была трибуна номер два. На неё редко кто поднимался. Разве что рабочий, чтоб сбросить снег.

– Теперь посмотрим следующий вариант решения.

– Помнишь, мы ложились на неровный газон, словно созданный специально для нас?

– Хотя...

– Ложились. Смотрели на небо. Потом закрывали глаза. По дорожке около подсобки цокали копыта запряжённого в повозку кентавра.

– Знаете что, давайте лучше вернёмся к странице двенадцать.

– В начале лета все столбы, все здания, все скамейки были окрашены...

– Попробуйте решить самостоятельно третью задачу.

Его застывшие очертания покрывают последние лучи. Это он? Узнаваемые черты не позволяют осознать случившегося. Такое ощущение, будто во рту, споткнувшись об надуманную метафору, застрял текст. Льётся в руки вода... Облака хранят информацию. Достаю телефон. Вращаю в руках. Может, позвонить? Но что я скажу?.. Утром мы созвонились, договорились встретиться на мероприятии. Потом я видел его тень из окна. Нет уж, пусть лучше скажет кто-нибудь другой. И что я вообще здесь делаю? Какая трава растёт теперь на поле? Наверняка – искусственная. Облака – высокие и розовые, такие как на юге. Где я сейчас? Зачем я здесь? Между трибунами скользит сквозняк, перебирает тетрадь, словно хочет настроить инструмент. Открытые страницы заполнены текстами. Окончание строк усилено созвучными словами. Слова тщательно подобраны автором. Зачем? А много народу собралось. Сегодня вообще много... Может, уйти к себе? Ведь всё закончилось. Интересно,

а где теперь зам? Что врачи?.. Во сколько теперь темнеет? Никогда не видел её раньше. Середина дня только... А может, всё же позвонить?..

Раннее утро. Не люблю раннее утро. Хочется снова зарыться в невесомость. Однако не хочется спать. За окном, в доме напротив, – девушка в серой футболке и серых совсем коротких шортах вешает занавеску под колокольный звон. Переступает по подоконнику, делает па. Солнечные лучи, преломляясь в окне, подчёркивают её нереальность. Картина создаёт уют. Если б девушка делала экзерсисы на моём подоконнике, вряд ли было бы лучше. Во-первых, мой подоконник очень узкий. Во-вторых, с девушкой надо говорить. А что я могу сказать девушке во время балетных упражнений? Я ведь не разбираюсь в балете. Не разбираюсь в танцах. И в занавесках тоже не разбираюсь. Не говоря уже о девушках. Можно поговорить про влияние погоды на тональность картины, но наш разговор вклинится в эмбиент, заданный колокольным звоном. Ладно, если он впишется, добавит объёма звучанию. А если нет? Наверняка не впишется. Пусть лучше всё течёт дальше.

«Течёт по реке?»

После того, как я был последний раз на реке, прошло столетие. Кентавр лежит в кухне. Зеленоватая сыпь покрыла периметр балкона. Боги не выходят больше во двор, прямоугольные формы которого всё так же вызывают ощущение первозданности. Порошок переносит ветер (править не надо). Глаз будто привязан ниточкой. Господин дёргает за... Эмбиент гармонизирует окрестность. На девушке – серые шорты. Надо пойти на кухню, налить чаю, пока кентавр спит. Вчера пришло пустое письмо. Будут ли ещё? Появятся ли слова?